

УДК 726.03

Нияз Халит – доктор архитектуры, профессор

E-mail: niaz_halit@rambler.ru

Казанский государственный архитектурно-строительный университет

ОТГОЛОСКИ ОБРАЗОВ КОЧЕВОГО ПРОШЛОГО В АРХИТЕКТУРЕ КАЗАНСКИХ ТАТАР**АННОТАЦИЯ**

Исследование открывает не затрагивавшуюся ранее тему – кочевая архитектура татар Поволжья и ее роль в формировании национального стиля.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: кочевой стиль, дюрбе, степь, орнаменты, ислам, юрты, шатры, сельджукский стиль, османский стиль, татары, Поволжье, Зилант, мечети, татарская архитектура.

Niyaz Khalit – doctor of architecture, professor

Kazan State University of Architecture and Engineering

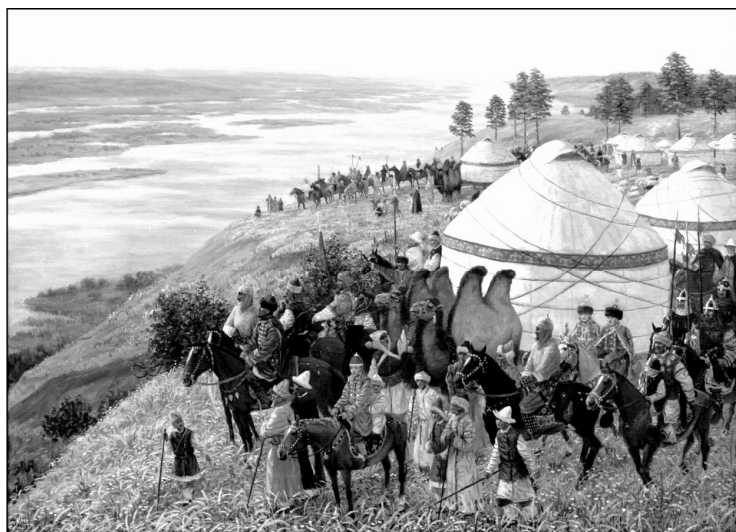
ECHOES OF THE NOMADIC PAST IN IMAGES OF THE KAZAN TATARS' ARCHITECTURE**ANNOTATION**

The study opens the theme had not been touched before – the nomadic Tartars architecture of the lower Volga region and its role in shaping the national style.

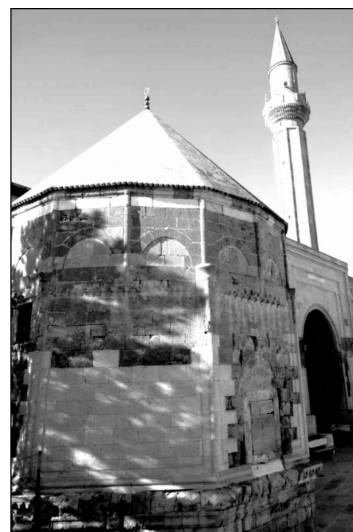
KEYWORDS: nomadic style, durbe, Jurtes, tents, steppe, Islam, Seljuk style, Ottoman style, Tatars, Volga area, ornaments, Zilant, mosques, Tatar architecture.

Тюрки и степь. Тюрки и кочевья. Тюрки и ислам. Эти понятия, несмотря на то, что не отражают все многообразие тюркской истории и культуры, неразрывно связаны между собой в умах как самих тюрков, так и окружающих народов. Кочевое прошлое (а для некоторых тюркских народов и настоящее) прочно сидит в сознании татар, несмотря на то, что на протяжении многих столетий – это один из самых цивилизованных народов тюркской оседлой культуры.

Образы степи и кочевого жилища неразрывны в сознании тюрков. И символы кочевья: юрта, кибитка и шатер – это мобильные и веками отработанные передвижные жилища тюрков. В них рождались, жили, трудились и умирали сотни поколений кочевников. Образ юрты стал одним из древних знаков кочевого быта. И не случайно над могилами близких и достойных соплеменники воздвигали вечную юрту – усыпальницу-дюрбе.

а)

б)

Рис. 1. а) Выход булгар на Волгу, 8 век. Картина худ. Р. Загидуллина;
б) Отголоски образов кочевого прошлого в монументальной архитектуре турков-сельджуков

История знает много видов гробниц: египетские мастаба и пирамиды, античные саркофаги и мавзолеи, кавказские погребальные камеры и пещерные города мертвых, срубные захоронения аборигенов Поволжья и Урала. Во многих случаях прообразом их становились народные жилища. Тюрки нашли свой собственный образ погребального жилища – дюрбе. Его центричная композиция с купольным или пирамидальным завершением откровенно указывает на свой прототип: кочевую юрту, воплощенную в дереве, глине или камне. Дюрбе встречаются повсюду, где тюркская культура соприкоснулась с исламской цивилизацией: в Египте и Иране, Афганистане и Индии, Средней Азии и на Кавказе, Малой Азии, Поволжье, Урале, Сибири.

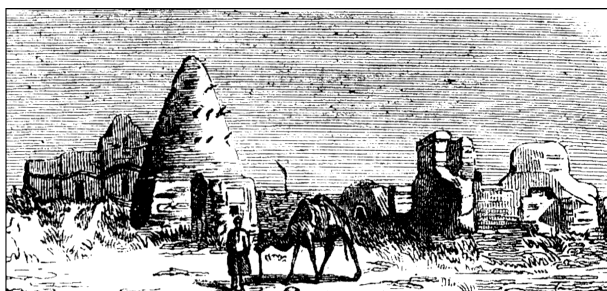

Рис. 2. Надгробные памятники казахов (вторая половина 19 в.)

Всякое искусство отражает мировоззрение создающего его социума и в народном варианте наиболее направлено к буквальному отражению явлений окружающего мира. Искусство кочевника – это песня степи и движения.

Степь – это бесконечные пространства и вечное движение. Движение небесных светил, движение облаков и водных потоков, колыхание ковыля, движение кочевого племени вперед, к новым горизонтам. В орнаментальном искусстве тюрков мотивы бесконечности и вечного движения постоянны, они опоясывают в виде бордюров любые композиции, а колесо и символ солнца – венчают все. В них мы видим волны на воде и на ковыльном поле, переплетение струй и ползущих растений, кристаллы снега и минералов, луну, солнце, звезды и кометы.

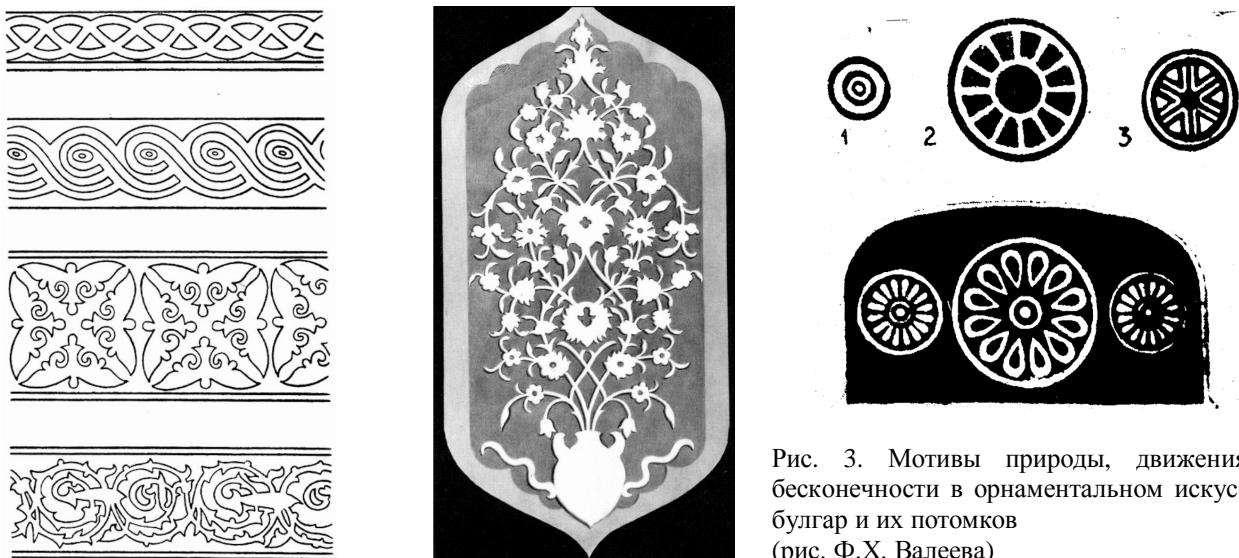

Рис. 3. Мотивы природы, движения и бесконечности в орнаментальном искусстве болгар и их потомков (рис. Ф.Х. Валеева)

Степь – это бесконечное разнообразие трав и цветов, неисчерпаемый источник вдохновения для художника-орнаменталиста. Мотивы тюльпана, лотоса, ириса и многих других цветов и растений навсегда запечатлелись в сложных переплетениях тюрко-татарских орнаментов. Здесь же и животный мир: орлы, газели, барсы, змеи.

Ремесло – неотъемлемая часть кочевого образа жизни. Изготовление посуды из глины, металла и дерева, обработка кожи, шерсти, кузнечное и ювелирное дело. И сопровождающее его искусство:

войлочное и шелковое ковроделие, чеканка и резьба, затейливое плетение из кожи, лозы и камыша, росписи и вышивка. Орнаменты и сюжетные изобразительные мотивы покрывают все предметы кочевого быта.

Геометрические орнаменты – одна из главных тем кочевого искусства. Бесконечное многообразие мотивов плетенки, присущее многим культурам древнего мира, зиждется на искусстве изготовления текстильных, кожаных, камышовых, соломенных, ивовых изделий: прочных, легких, красивых. Они и легли в основу знаменитых арабесок, ставших визитной карточкой всего исламского искусства. Геометрические плетенки, выработанные кочевыми арабами и доведенные их потомками до совершенства, родили новый жанр орнаментального искусства, основанный на математической гармонии форм и пропорций и обогативший мировое искусство.

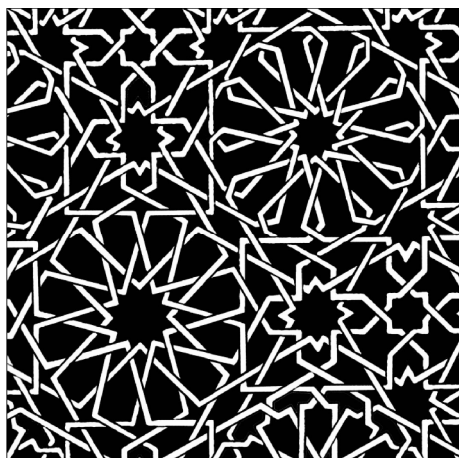

Рис. 4. Мотив плетенки в орнаментальном искусстве кочевых народов

Ислам – религия кочевых бедуинов, распространившаяся далеко за пределами их проживания и даже за пределами халифатов. Порожденный культурой и психологией кочевого племени, он оказался близок мировоззрению кочевых тюрков и был ими принят повсеместно и почти без исключений. Исламу присуща рациональная простота обрядов и прямое общение с Создателем всего окружающего мира, величие и бесконечность которого кочевникам известна не понаслышке, и мир которых не ограничен стенами домов и городскими укреплениями.

Ислам, укоренившийся в сознании и мировоззрении тюрков, органично вплелся в традиционное степное искусство, обогатив его опытом мировых цивилизаций и сформировав общий условный язык художественных образов, ограничивший буквальную изобразительность и опирающийся на аллегоричные абстрагированные и формализованные сюжетные композиции. Существенной составляющей исламского искусства стало Слово Божье, материализовавшееся через формы каллиграфического искусства, наряду с искусством арабески ставшее брендом изысканного мира Ислама.

Рис. 5. Орнаментальное искусство тюрков и ислам

Помимо мобильной архитектуры, тюркская традиция нашла значительное развитие и в формах монументального стиля. Происходило это различными путями:

1. В среде кочевых тюрков, имевших укрепленные городские центры и мемориальные комплексы;
2. У тюрков, перешедших к оседлому образу жизни;
3. У нетюркских народов, воспринявших тюркскую архитектурную культуру как воздействие государственного стиля в тюркских государствах и империях или через тюрко-исламское влияние (Египет, Иран, Афганистан, Индия и др.).

Одним из ранних примеров развитого тюрко-мусульманского стиля является сельджукизм, возникший на территории завоеванной Анатолии в 10 веке и ставший одним из мировых стандартов в архитектуре 10-13 вв. В нем сочетаются стилевые качества арабской архитектуры со строительным искусством греков и армян и декоративными мотивами кочевых туркмен, прямо цитирующими формы кочевого стиля. Это проявляется как в формировании своеобразного типа шатрового здания (мечеть, дюрбе), так и в отделке фасадов и интерьеров, где образы и мотивы кочевой юрты угадываются порой вполне отчетливо. В форме шатрового завершения читаются ассоциации как с образом юрты, так и собственно походного шатра [1], а резные детали входных порталов сельджукских медресе, больниц, мечетей и караван-сараяв прямо копируют порой ковровые и полотняные пологи, занавеси с кистями и плетеными узорами.

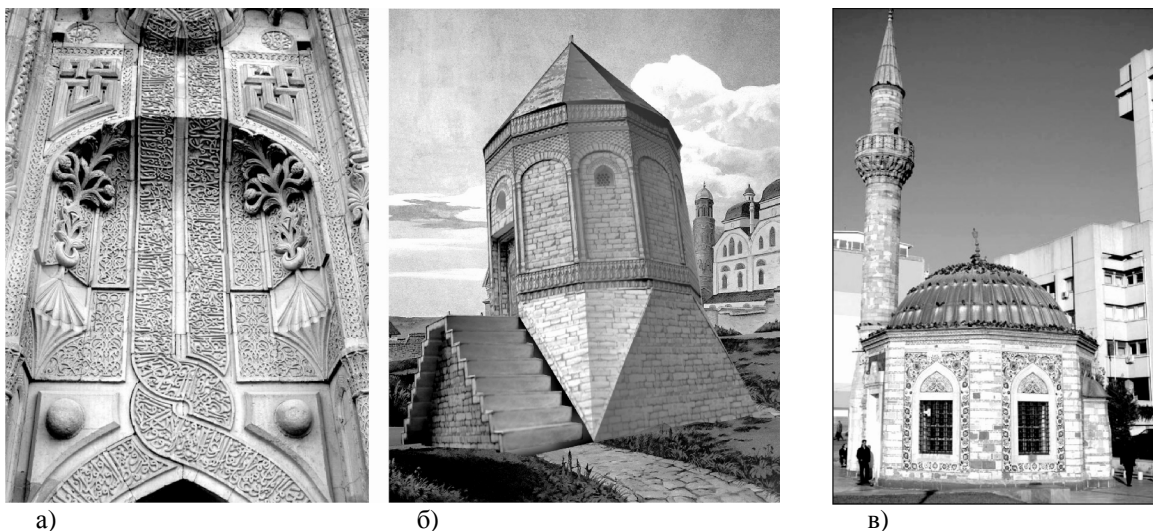

Рис. 6. Отголоски образов кочевого прошлого в монументальной архитектуре турков-сельджуков и Поволжья:
а) Медресе Инч минар в Конье, 1264 г.; б) Дюрбе в Казанском Арке, 13-15 вв. Реконструкция Н. Халита;
в) Отголоски образов кочевого прошлого в монументальной архитектуре турков-османов

Аналогичные процессы происходили и на территории других средневековых тюркских государств: Волжской Булгарии, Хорезма, государств Караханидов и Газневидов, в Золотой Орде и мамлюкском Египте.

Османы, сформировавшие после завоевания в середине 15 в. Византии, создали новый мировой стандарт исламского стиля, в большой степени впитавший в себя традиции сельджукизма и распространившийся на огромные территории, в том числе и в Поволжье. Под влиянием византийского стиля османские мечети и мавзолеи обрели округлые очертания, несколько иначе обыграв мотив юрты. Чрезмерно вытянутый тонкий минарет как бы дистанцировался от массивных пропорций купольного здания, еще более подчеркивая его преимущество к древним традициям.

Наследием кочевого прошлого татар можно считать и образ Зиланта, древнего герба Казани. Это полиморфное существо можно видеть в искусстве древних тюрков Волги и Урала уже в 8 веке, его изображение найдено в домонгольском Биляре и золотоордынском Булгаре [2]. Возможно, это символ булгарского народа, возникший задолго до основания Казани, а легенды о горе Жилан-тау тоже можно отнести к попыткам расшифровать этот образ в его привязке к местной ситуации. Закрепившись в качестве герба Царства Казанского под русским управлением во 2 половине 16 века, он сохранился до сегодняшнего дня как герб Казани.

О том, что татарское народное жилище хранит воспоминания о кочевом быте прошлого, не раз писалось в этнографической литературе [3]. И действительно, сравнивая интерьер казахской или

башкирской юрты с убранством традиционного татарского дома 18-19 вв., легко отметить очевидное сходство как в образе интерьера, так и типичном наборе предметов и способе их расстановки. Отсутствие мебели, тканые занавеси и ковры по стенам, трансформирующиеся перегородки, характерные способы размещения и укладки домашней утвари.

Рис. 7. Зилант и его древние прообразы: накладка из курганов Кушнаронковской культуры, 8 в.,
бляшка с городища Биляр, 12 в., Герб Казани, утвержденный в 2001 г. Зилант, рис. Н. Халита

В этнографической литературе отмечалась характерная деталь: у народов с кочевым прошлым, в том числе и у татар, наряду с зимним существовало летнее жилище, порой в виде обычной юрты во дворе или за пределами оседлого поселения. Например, отметим описание И. Лепехина середины XVIII века: «Заживные между собой имеют при каждой зимней избе летнюю, которая против зимней ставится и соединяется с ней переходом, что по большей части у татар видеть можно...» [4]. Вплоть до начала 20 века у казанских татар встречались два рядом стоящих дома: зимний и летний, соединенные навесным крытым переходом или галереей по второму этажу [5].

Рис. 8. Интерьер татарского жилища как отражение кочевого прошлого:
жилище казанского татарина, 19 в.

Башкиры и алтайцы, не имевшие в прошлом собственных традиций оседлого жилища, зачастую при переходе к оседлости строили дом в виде восьмигранного сруба, перекрытого шатром. У башкир он назывался бурама, у алтайцев – аил. Подобные же формы наблюдались в деревянном зодчестве якутов (братских татар) и хакасов (абаканских или минусинских татар).

Явной калькой с бурамы является образцовый проект 1829 года на татарскую мечеть. Проект прямо указывает на свой прототип: мечеть-бураму как отражение кочевой мобильной архитектуры с ее мечетями-юртами, которые отмечались этнографами еще в 18 веке [6].

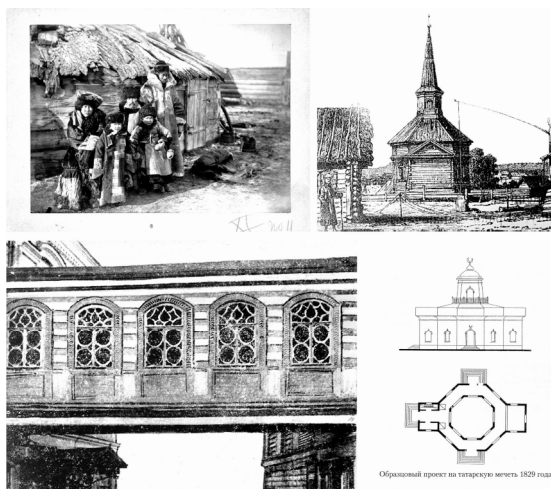

Рис. 9. Бурама, аил и их развитие в монументальной архитектуре (образцовая мечеть 1829 г.): Алтайский аил, фото 19 в.; Мечеть-бурама в Симбирской губернии, фото середины 19 в.; Образцовый проект 1829 г. на татарскую мечеть; г. Казань. Дом Сайдашева на ул. Б. Мещанская. Навесной переход между зимним и летним домами. Фото 20 в.

В архитектуре Нового времени образ юрты прямо цитировался при проектировании и строительстве татарских мечетей России. Классическим примером такого рода является мечеть Караван-Сарая в г. Оренбурге, где форма здания в виде юрты дополнена отдельно стоящим минаретом [7], – композиция, предложенная османами в 15 веке и получившая самое широкое распространение в тюркском мире.

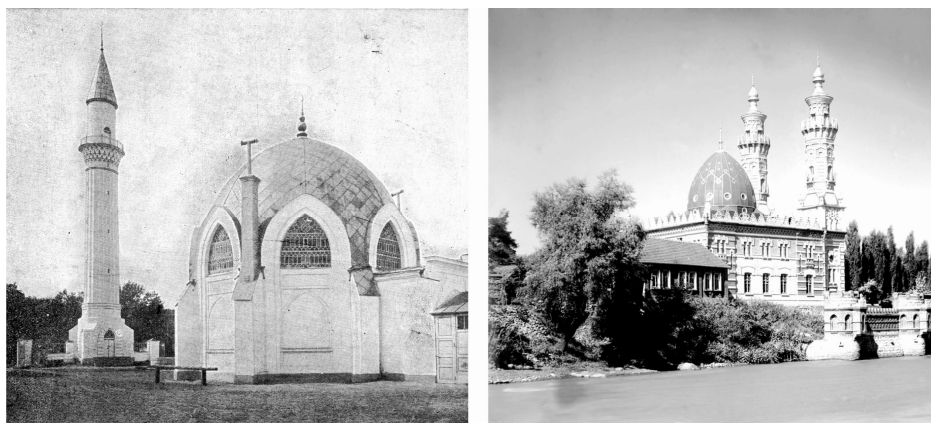

Рис. 10. Образ юрты в архитектуре мечети: Мечеть Караван-Сарая в г. Оренбурге, 1-ая треть 19 в.; Татарская (Суннитская) мечеть в г. Владикавказе, нач. 20 в.

Иным решением было использование очертаний юрты в формах венчающего здание купола над молельным залом. Из множества примеров можно назвать здание Татарской (Суннитской) мечети в г. Владикавказе (кон.19 в.).

Образы полотняного матерчатого шатра или полога, развевающегося на ветру, не раз встречаются в татарской архитектуре, порой превращаясь в некий излюбленный декоративный мотив. К таковым можно отнести своеобразную форму крыш золотоордынской мечети, запечатленной А. Дюраном, и мечети Апанаева в Казани (18 в.). Многочисленные венчающие элементы татарских домов в Казани украшены этим мотивом, его можно встретить в абрисах оконных проемов и рисунке переплетов, в декоре ворот и дверей [8].

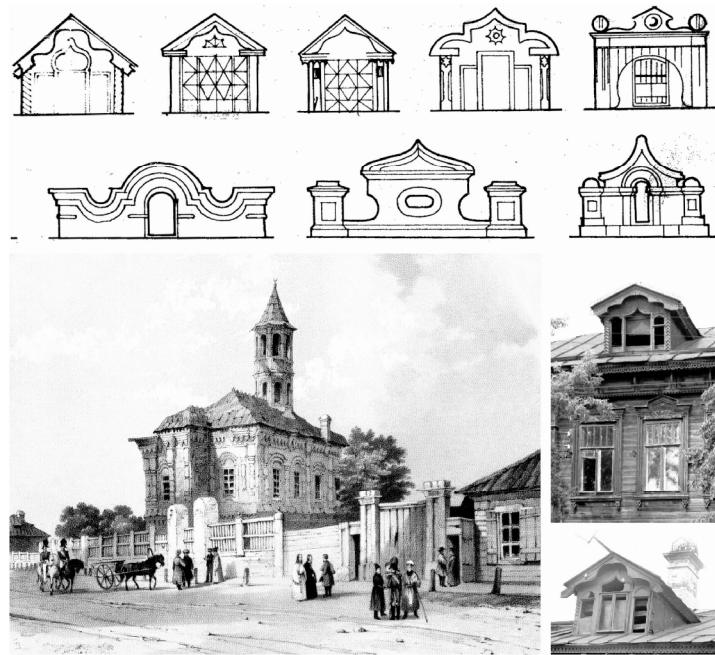

Рис. 11. Образ шатра в татарской архитектуре: Мечеть Апаанаева в г. Казани, 1768-70 гг. Рис. Э. Турнерелли.
Венчающие элементы татарских домов в г. Казани, кон. 19-нач. 20 вв.

Татарские орнаменты, исторически сложившиеся, в сущности, как продукт кочевой декоративной культуры, до настоящего времени сохраняют генетическое родство со средневековым искусством [9]. Здесь можно встретить те же плетенки, волну, мотивы колеса и солярные знаки, имитацию войлочных узоров и кожаной мозаики в резьбе или художественной ковке, витражах или мозаичных композициях.

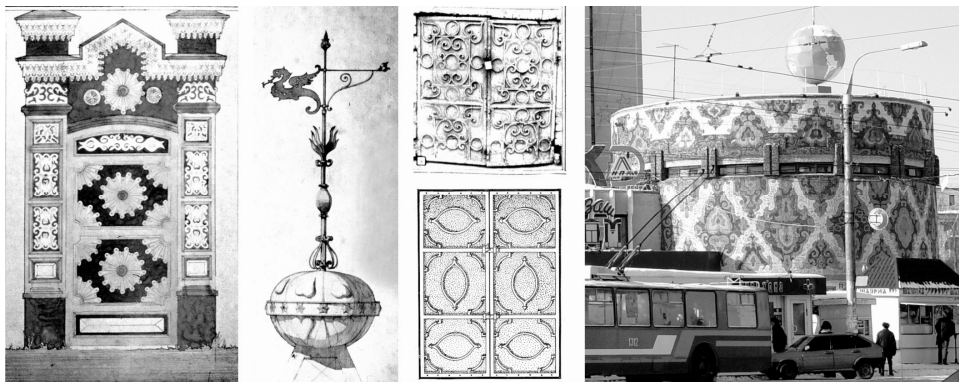

Рис. 12. Орнаментальные мотивы кочевого искусства в татарской современной архитектуре:
Деревянная резьба и металлическая ковка в архитектуре татарских домов 19-начала 20 вв.;
Торговый комплекс у Московского рынка в г. Казани, 1970-е гг.

Любопытные и многочисленные примеры сознательного и бессознательного использования образа бурамы, юрты и шатра можно встретить в архитектуре современных татарских мечетей на всей территории России. В их числе буквальное подражание историческим прототипам (мечети в с. Ендовичи, Нижегородской обл. и др.), поиски в духе ретро (мечети в с. Суленка, Астраханской обл., в г. Норильске, Маулид в г. Екатеринбурге, Кул-Шариф в Казани и др.).

Подводя итоги этому краткому исследованию, можно констатировать, что кочевое прошлое татарского народа, несмотря на длительное (более 1000 лет) развитие в рамках оседлой городской и сельской цивилизации, не может считаться забытым. Сохраняется феномен осознания себя как кочевого в прошлом народа с определенной степенью романтизации этого этапа этнической истории, что в известной степени влияет на развитие современной культуры и искусства.

Рис. 13. Образы бурамы, юрты и шатра в архитектуре современных татарских мечетей:
Мечеть в с. Ендовичи, Нижегородская обл.; г. Бугуруслан, Челябинская обл.;
Мечеть Нурд Камаль в Норильске, 1998 г.; Мечеть Кул-Шариф в г. Казани; Мечеть в г. Кемерово.

Что же касается архитектуры, то здесь можно отметить устойчивую традицию кочевого стиля на протяжении всего времени существования оседлой культуры. Она прослеживается на нескольких уровнях:

1. в форме организации жизненного пространства*;
2. в архитектурном формообразовании**;
3. создании художественных образов***;
4. в декоративном оформлении фасадов и интерьеров****.

Образы кочевого прошлого в татарской архитектуре 19-21 вв. формировались тремя путями, опираясь на соответствующие слои в народном сознании:

1. буквальное цитирование образцов и мотивов;
2. ассоциативное воспроизведение древних мотивов;

3. традиционные мотивы древнего происхождения, не связывающиеся напрямую в сознании со своими прототипами и своей эпохой.

* Планировочная структура поселений и усадеб, оформление интерьеров.

** Общая композиция, пластика объема и пластика детали, характерная орнаментация.

*** Например, Торговый центр Московского р-на Казани на ул. Декабристов, а также многочисленные павильоны-шатры в развлекательных и торговых зонах.

**** Опора на сплошную ковровую орнаментацию в разнообразной технике: гобелен, резьба по гипсу, сграффито, росписи, мозаики, узорная кожа и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Райс Т. Сельджуки. Кочевники – завоеватели Малой Азии. – М.: Центрполиграф, 2004. – 140 с.
2. Нияз Халит. Охота на драконов (О гербе Казани и его образе в архитектуре города) // «Декоративное искусство СССР». – М.: Советский художник. – С. 32-33.
3. Лепехин И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. – СПб.: тип. Имп. Академии Наук, 1771. – С. 138-139.
4. Халитов Н.Х. Памятники архитектуры Казани XVIII-начала XIX вв. – М.: Стройиздат, 1989. – 75 с.
5. Богословский П.С. История правительственного обследования в XVIII веке Пермского края в этнографическом отношении (с архивным материалом о вогулах, татарах, башкирах и мешеряках) // ИОАИЭ, т. XXIV, в. 3-4, 1929. – Т. 34. – С. 3-4.
6. Калимуллин Б.Г. Караван-Сарай в Оренбурге. – М.: Стройиздат, 1966.
7. Халитов Н.Х. Поиски «национального стиля» в архитектуре татар Казани в конце XIX-начале XX вв. / Искусство Татарстана: пути становления. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1985. – 127 с.
8. Валеев Ф.Х. Орнамент казанских татар. – Казань: Татарское книжное издательство, 1969.
9. Валеев Ф.Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1975.
10. Валеев Ф.Х. Народное декоративное искусство Татарстана. – Казань: Татарское книжное издательство, 1981.

REFERENCES

1. Rajs T. Seldzhuki. Nomads – conquerors of Asia Minor. – M.: Sentrpoligraf, 2004. – 140 p.
2. Niyas Khalit. Hunting for dragons (About the arms of Kazan and its image in architecture of a city) // «Decorative Art of the USSR». – M: the Soviet Artist. – P. 32-33.
3. Lepyokhin I. Day to day of a note of travel of the doctor and Academy of sciences of graduated in a military academy Ivan Lepyokhin on different provinces of the Russian state, 1768 and 1769. – SPb.: type. Imp. Academies of sciences, 1771. – P. 138-139.
4. Khalitov N.Kh. Monument XVIII-has begun architecture of Kazan XIX centuries. – M: Stroyizdat, 1989. – 75 p.
5. Theological P.S. History of the governmental inspection in XVIII century of the Perm edge in the ethnographic relation (with an archival material about Vogulakh, Tatars, Bashkirs and Mesheryakakh) // IOAIE, т. XXIV, century 3-4, 1929. – Т. 34. – P. 3-4.
6. Kalimullin B.G. Caravansarai in Orenburg. – M: Stroyizdat, 1966.
7. Khalitov N.Kh. Search of «national style» in architecture of Tatars of Kazan in the end of XIX-in the early XX centuries / Art of Tatarstan: formation ways. – Kazan: IYaLI of G. Ibragimova KFAN the USSR, 1985. – 127 p.
8. Valeev F.H. Ornament of the Kazan Tatars. – Kazan: the Tatar book publishing house, 1969;
9. Valeev F.H. Ancient and medieval art of the Average Volga region. – Ioshkar Ola: Mari book publishing house, 1975;
10. Valeev F.H. National decorative art of Tatarstan. – Kazan: the Tatar book publishing house, 1981.